

Глаголев С. С. Потребность в апологетических трудах в настоящее время: [Речь перед защитой магистерской диссертации «О происхождении и первобытном состоянии рода человеческого». М., 1894] // Богословский вестник 1894. Т. 3. № 8. С. 167–180 (2-я пагин.).

Потребность въ апологетическихъ трудахъ въ настоящее время.

(*Речь предъ защитою магистерской диссертациі: „О происхождениі и первобытномъ состояніи рода человеческаго“. Москва 1894).*

Буддійская легенда разсказываетъ намъ, что принцъ Гаутама до зрѣлого возраста не видѣть и не испыталъ ничего грустнаго и тяжелаго. Онъ думалъ, что жизнь представляетъ собою непрерывную цѣнь радостей и наслажденій. Случайныя встрѣчи съ дряхлымъ и безсильнымъ старикомъ, съ неизлечимымъ больнымъ и наконецъ похоронами разсвѣли его иллюзіи. Онъ узналъ, что кромѣ радости въ мірѣ существуетъ еще скорбь, кромѣ здоровья—болѣзнь, кромѣ молодости — старость и кромѣ жизни — смерть. Онъ былъ глубоко потрясенъ узнаннымъ, и его жизнерадостное міросозерцаніе смѣнилось пессимистическимъ. Легенда не даетъ намъ описанія того—безъ сомнѣнія — крайне мучительного состоянія духа, которое испыталъ Гаутама, когда увидѣнныя имъ скорби міра произвели у него крушеніе его вѣрованій. Она говоритъ намъ лишь о томъ, какія изъ этого вышли послѣдствія: проповѣдь Будды о злѣ жизни и пагубности желаній и возникновеніе буддизма. Мы знаемъ теперь, что это—только легенда, историческая изслѣдованія говорятъ намъ, что грустная проповѣдь индійского принца имѣла для себя болѣе прозаической причины. Но это не лишаетъ легенду ея глубокаго смысла и мнѣ думается, что съ грустью должно отмѣтить, что именно въ наше время эта легенда находитъ для себя много печальныхъ поясняющихъ ее явлений. Вотъ что разумѣю я.

Не сильнымъ духомъ реформаторамъ міра, но многимъ 14—15 лѣтнимъ дѣтямъ нашего времени приходится переживать тотъ мучительный душевный кризисъ, подобный которому нѣкогда пережилъ Гаутама, кризисъ, имѣющій своимъ источникомъ сознаніе, что то, что мы считали незыблемымъ, что давало душѣ нашей спокойствіе и сообщало нашимъ дѣйствіямъ увѣренность, что дарило насъ радостями и смягчало наши печали, все это не болѣе, какъ грустная и печальная иллюзія. Человѣкъ думалъ, что у него подъ ногами твердая почва, и что онъ идетъ во свѣтъ и вдругъ оказывается, что подъ нимъ пустота и что онъ окруженнъ непроницаемымъ мракомъ. Представьте себѣ мальчика лѣтъ 14—15 семинариста, гимназиста, кадета, рѣшительно все равно. Опь добросовѣстно изучаетъ катехизисъ митрополита Филарета, искренно молится утромъ и вечеромъ, на Рождество и Святой переживаетъ радостно-благочестивыя чувства и при принятіи св. причастія его душа наполняется сладостнымъ умиленіемъ. Для этого ребенка все ясно и просто: онъ знаетъ, какъ онъ долженъ жить, что ожидаетъ его послѣ смерти. Мать, научившая его первымъ молитвамъ, воспитала въ немъ добрыя чувства и добрую настроенность, а уроки Закона Божія дали ему теоретическія основанія, чтобы поддерживать въ себѣ эту настроенность, чтобы не угашать духа. Но вотъ, въ одинъ какоипбудь вечеръ ему даютъ почитать книжку съ картинками. На картинкахъ изображены какіе-то страшные имъ невиданные звѣри. Изъ книжки онъ узнаетъ, что эти звѣри жили за сотни тысячелѣтій до появленія человѣка на землѣ и что они были очень жестоки и хищны. Между тѣмъ изъ Закона Божія онъ зналъ, что міръ до человѣка существовалъ лишь 5 дней и что до паденія человѣка все было „добро зло“ и потому не было никакихъ хищныхъ и жестокихъ животныхъ. Онъ думаетъ сначала, что книжка, которую онъ читаетъ, только сказка. Онъ читаетъ ее внимательнѣй. Оказывается, что книжка выдается свое содержаніе не за ложь, а за дѣйствительность. Въ книжкѣ описывается, какъ были найдены скелеты тѣхъ животныхъ, о которыхъ она разсказываетъ, какъ опредѣлили ихъ древность по тѣмъ отложеніямъ, въ которыхъ они были найдены. Книжка разсказываетъ ему исторію жизни на землѣ отъ

ся возникновенія до настоящаго времени, разсказывается просто, ясно и какъ будто убѣдительно. Но какъ все это не похоже на то, чему его учили ранѣе. Перепеситесь мысленно въ душу этого ребенка и представьте себѣ, что долженъ испытать онъ? У него начнется страшный религіозно-нравственный кризисъ. Въ его душѣ произойдетъ столкновеніе двухъ родовъ положеній, изъ которыхъ одни очень дороги ему, онъ считалъ ихъ высшею и безусловною правдой, но въ защиту, въ доказательство ихъ онъ ничего не можетъ сказать, другія, пожалуй, интересны и только интересны, но не представляютъ собою ничего дорогоаго и эти то другія сокрушаютъ первыя и притомъ эти другія оказываются имѣющими за собою основанія. Какъ здѣсь разобраться? Одинъ, можетъ быть, отброситъ отъ себя книжку и постарается забыть о ней, другой, твердость вѣры котораго обусловливалась тѣмъ, что онъ о ней никогда не думалъ, поддается книжкѣ: допотопная животная задавятъ своею тяжестью его не способную подвергаться испытаніямъ вѣру и онъ пойдетъ по новому пути, третій попытается уничтожить возникшій въ его душѣ конфліктъ посредствомъ изслѣдованія и размышленія. Но уничтожить его окажется не легко. Допотопная животная станутъ между нимъ и тѣми людьми, которые учили его вѣрить и молиться, онъ уже не съ безотчетнымъ довѣріемъ будетъ слушать разсужденія своего законоучителя и, когда онъ прѣдетъ домой, и мать заботливо перекреститъ его своею любящею рукою, его сердце колышеть сомнѣніе въ томъ, имѣютъ ли на самомъ дѣлѣ какой-либо смыслъ и значеніе эти благоговѣйныя движенія любящей руки? Пройдутъ года. Ребенокъ сдѣлается мужемъ. Онъ можетъ отвергнуть палеонтологію или катехизисъ митрополита Филарета, можетъ примирить ихъ въ высшей правдѣ, можетъ навсегда остаться сомнѣвающимся или сдѣлаться индифферентистомъ, но нравственные потрясенія, испытанныя имъ въ иѣжномъ отроческомъ возрастѣ, во всякомъ случаѣ и навсегда оставятъ тяжелый следъ въ его душѣ. Тотъ, кто имѣлъ несчастіе разочаровываться въ любимыхъ людяхъ, пойметъ мое утвержденіе. Есть болѣзни, которыя очищаютъ и возраждаютъ организмъ и по выздоровленіи отъ которыхъ человѣкъ чувствуетъ себя бодрѣе и лучше, но раны никогда не производятъ такого

благодѣтельного дѣйствія. Онѣ только вредны, это одинаково справедливо по отношенію и къ ранамъ тѣлеснымъ и къ ранамъ душевнымъ. Позволительно спросить, нужно ли необходимо, чтобы сыны нашего времени всѣ въ известный періодъ получали такія душевныя раны и затѣмъ мучились отъ нихъ? Неужели каждый человѣкъ въ наше время долженъ пережить въ своей жизни три міросозерцанія такъ, что его жизнь можно будетъ раздѣлить на 3 періода: періодъ наивной и спокойной вѣры, періодъ мучительного сомнѣнія и паконецъ третій періодъ, когда это сомнѣніе или утвердится окончательно, принявъ форму болѣе или менѣе спокойнаго скептицизма, или смѣнится какими-либо новыми убѣжденіями? Конечно, пѣтъ; такой процессъ развитія душевной жизни, къ какому бы результату онъ не привель, самъ по себѣ есть процессъ болѣзненный. Душевное развитіе должно идти инымъ путемъ. Вѣрованія и представленія, внущенные ребенку въ дѣтствѣ, не должны потомъ вступать въ борьбу съ новыми знаніями, которыя онъ будетъ приобрѣтать, по эти новыя знанія при нормальному ходѣ развитія должны расширять, углублять и давать прочные основанія тому, что ранѣе было принято на вѣру.

Самый худшій способъ, которымъ пытались и къ несчастію еще пытаются устраниТЬ возможность возникновенія сомнѣній въ душѣ человѣка, заключается въ томъ, чтобы удалять отъ человѣка всѣ тѣ книги, въ которыхъ набрасывается тѣнь сомнѣнія на его вѣру. Рано или поздно ему попадутся таковыя и тогда можетъ случиться, что онъ не только потеряетъ вѣру, но и потеряетъ уваженіе къ тѣмъ, которые его учили вѣрѣ. Должно замѣтить, что чѣмъ позднѣе возникнетъ въ душѣ человѣка религіозное сомнѣніе, тѣмъ хуже. Корь въ дѣтскомъ возрастѣ переносится легко, въ зрѣломъ и старческомъ она часто сопровождается смертельнымъ исходомъ. Чѣмъ позднѣе человѣкъ перестаетъ вѣрить какимъ-либо богамъ, тѣмъ безпощаднѣе и суровѣе ихъ сжигаетъ, какъ бы имъ за свое долгое заблужденіе. Отсюда слѣдуетъ выводъ, что если уже необходимо для каждого человѣка или по крайней мѣрѣ для многихъ, чтобы ихъ вѣра подверглась испытаніямъ и сомнѣнію, то лучше, если это произойдетъ раньше, а не позже.

Но неизмѣримо лучше, если такого періода сомнѣнія

совсѣмъ не будетъ въ жизни человѣка. Очевидно, это будетъ возможно лишь тогда, когда богословы будутъ заботливо пытаться устраниить возможность конфликта между вѣрой и знаніемъ. когда во имя новыхъ знаній будутъ вносить поправки въ пониманіе вѣры и во имя несомнѣнныхъ истинъ вѣры будутъ отвергать — разумѣется, путемъ тщательного и научнаго изслѣдованія—то, что можно назвать древнимъ именемъ „лжеименного знанія“ и то, что теперь называютъ ошибочными и преждевременными гипотезами. Попытку послужить этому дѣлу представляетъ и тотъ скромный трудъ, оцѣнку которого предстоитъ теперь услышать автору отъ настоящаго высокоучченаго собранія. Вниманіе автора давно останавливало на себѣ опасное столкновеніе между вѣрою и наукою, столкновеніе принявшее въ настоящее время такіе широкіе размѣры. Онъ выбралъ для изслѣдованія вопросъ, въ которомъ, по его мнѣнію, это столкновеніе обнаруживается и проявляется особенно сильно, какъ свѣтъ и тепло особенно сильно проявляютъ себя въ фокусѣ зажигательнаго стекла, и авторъ считаетъ своимъ долгомъ выразить благодарность проф. А. Д. Бѣляеву, согласившемуся руководить его въ его работѣ и принявшаго на себя трудъ прочитать ее.

Трудъ, какъ видитъ собраніе, имѣеть практическій характеръ. Задача его состоитъ въ томъ, чтобы показать, что библейское ученіе о происхожденіи человѣка и библейскія воззрѣнія на человѣка и его назначеніе не противорѣчатъ несомнѣннымъ данными положительныхъ наукъ о человѣкѣ, что, напротивъ, Библія освѣщає глубокимъ и разумнымъ свѣтомъ эти данные и, въ свою очередь, ся сжатое повѣствованіе пополняется и разъясняется этими данными. Въ значительной своей части предлагаемый трудъ имѣеть критическій характеръ и поправляется противъ враждебныхъ религій и Библіи гипотезъ о естественномъ происхожденіи человѣка. Автору при выполненіи своей работы пришлось часто останавливаться въ раздумья падъ тѣмъ, можетъ ли на самомъ дѣлѣ она имѣть какой-нибудь смыслъ и значеніе? Въ настоящее время многіе полагаютъ, что апологетика не имѣеть права на существование. Ее презрительно называютъ паразитической наукой, ибо весь объемъ ее содержанія опредѣляется количествомъ стоящихъ на очреди дня враждебныхъ религій ученій, и ее считаютъ без-

плодной наукой, ибо судьба этихъ ученій, говорятьъ, вовсе не опредѣляется апологетическими походами противъ нихъ. Они живутъ и умираютъ по другому закону. Положимъ, возникаетъ въ наукѣ ошибочная гипотеза, имѣющая первое время всѣ признаки правдоподобія. Она начинаетъ разрабатываться и развиваться, но по мѣрѣ ея развитія обнаруживается постепенно и ея несоответствіе фактамъ и явленіямъ, которые она должна бы была разъяснить и чѣмъ больше растетъ гипотеза, тѣмъ больше открывается ея неправдоподобіе такъ, что процессъ ея роста есть процессъ ея умирания. Такъ погибла созданная въ физикѣ Ньютономъ гипотеза истечения, просуществовавъ значительно болѣе столѣтія, такъ погибла установленная Кловье теорія геологическихъ катастрофъ, такъ вымерли чистые гегельянцы, какъ въ прошедшемъ столѣтіи вымерли морскія коровы. Но апологетика, говорятьъ, не искоренила никакихъ заблужденій, напротивъ, она ихъ часто поддерживала. Она боролась противъ ученій, которыя теперь считаются общепризнанными, и противъ лицъ, которыя теперь считаются образцами для подражанія. Въ исторіи апологетики не рѣдки такие случаи. Является новое ученіе, и апологеты говорятъ: „это противно религіи и нравственности“, ученіе продолжаетъ существовать и негодование апологетовъ начинаетъ смягчаться, наконецъ ученіе признается безспорной истиной, и тогда апологеты заявляютъ: „это давно всѣмъ извѣстно“. Вотъ, почему, говорятьъ, лучше, чѣмъ выступать съ походами противъ новоявляющихся ученій, относиться къ нимъ такъ, какъ отнесся нѣкогда Гамаліилъ къ проповѣди апостоловъ: „если, сказалъ онъ, это предпріятіе и это дѣло отъ человѣковъ, то оно разрушится; а если отъ Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вамъ не оказаться и богоопротивниками“ (Дѣян. 5, 38—39).

Я думаю, что эти слова были подсказаны Гамаліилу сомнѣніемъ въ истинности исповѣдывавшейся тогда официально синедріономъ доктрины. Если бы онъ былъ ревнителемъ Моисеева закона, какъ св. Павелъ, онъ потребовалъ бы осужденія апостоловъ; еслибы онъ былъ индифферентистомъ, онъ благоразумно промолчалъ бы изъ инстинкта самосохраненія. Вотъ, почему этотъ примѣръ представляется мнѣ неубѣдительнымъ. Право и обязанность всякаго чело-

вѣка защищать то, что онъ считаетъ истиной, и опровергать то, что онъ считаетъ ложью. Отрицать это право во многихъ случаяхъ (но говорю: всегда) значить являть образецъ глубокаго деснотизма. Другое дѣло, вопросъ о разумномъ и цѣлесообразномъ пользованіи этимъ правомъ. Однако, соображеніе, что ложь носить сама въ себѣ зародыши смерти и что ей должно представить умирать естественнымъ образомъ, является въ сущности очень паническимъ. Если бы это было такъ, Христосъ не сошелъ бы на землю.

Апологетическая наука является настолько же паразитической, насколько такою является медицина. Медицина существуетъ потому и постольку, поскольку существуютъ болѣзни тѣла, апологетика существуетъ постольку, поскольку существуютъ болѣзни вѣры. Здоровья, какъ и вѣры, нельзя прописать, но нельзя отрицать того, что возможны лекарства, возвращающія здоровье и укрепляющія вѣру. Можно говорить о неудовлетворительномъ состояніи современной апологетики, но доказывать этимъ ея невозможность или ненужность также странно, какъ изъ того обстоятельства, что Демосѳенъ, когда родился не умѣль говорить, выводить, что онъ никогда впослѣдствіи не могъ сдѣлаться великимъ ораторомъ. Затѣмъ была ли на самомъ дѣлѣ въ теченіи вѣковъ безплодной апологетикой? Кто осмѣлится утверждать это? Апологетика имѣеть свою, такъ сказать, экскаторическую и экзотерическую исторію. Мы можемъ прослѣдить, да и то далеко не полно, только ея экзотерическая судьбы. И здѣсь мы находимъ не мало примѣровъ обращенія отъ невѣрія къ вѣрѣ подъ воздействиемъ убѣждений. Часто могутъ замѣтить, что невѣрующіе любятъ охотно говорить о вѣрѣ и не прочь выслушивать основанія въ ся пользу. Что движетъ ими? Томленіе по вѣрѣ. Пусть они говорятъ вамъ, что невѣріе выше вѣры, что, отрѣшившись отъ предразсудковъ и суевѣрій старины, они чувствуютъ себя счастливѣе. Вы можете сказать на это словами поэта:

Безплодный лживый бредъ! Такъ нищему порой
 Пріятно обзывать богатство суетой,
 Такъ темному слѣпцу, передъ которымъ свѣтъ
 Затмился павсегда, отрадно заблужденье,
 Что пусть весь Божій міръ, что красоты въ немъ нѣтъ!
 Но еслибъ чудомъ вдругъ къ нему вернулось зрѣнье

И свѣтъ дневной опять блеснуль со всѣхъ сторонъ,
Какими-бъ жадными онъ сталъ смотрѣть очами,
Какими-бъ залился блаженными слезами,
Увидѣвъ Божій міръ, какъ счастливъ былъ бы онъ!

Откровенный Ренанъ часто тосковалъ о потерянной имъ наивной вѣрѣ бретонцевъ. Многіе пытаются скрывать эту тоску не только отъ другихъ, но и отъ самихъ себя. Но всѣ они не безусловно глухи къ доводамъ приводимымъ въ защиту вѣры, и вопросъ можетъ заключаться только въ томъ, какие приемы и доводы будутъ цѣлесообразнѣе. Въ правленіе Павла I-го въ одной изъ тогда существовавшихъ духовныхъ семинарій одинъ ученикъ началъ говорить, что „все отъ природы“ и иллюстрировалъ свою теорію ссылкою на блоху, рождающуюся будто бы сама собою. Для вразумленія юнаго рационалиста были употреблены розги. Я не знаю, даль ли благіе результаты этотъ своеобразный апологетический приемъ, но имѣю основанія утверждать, что убѣжденія и разсужденія въ данномъ случаѣ были бы умѣстны и могли бы быть полезны, ибо въ это время митрополитъ Платонъ и немного ранѣе этого времени Георгій Конисскій успѣшино боролись словами убѣжденія съ французскимъ деизмомъ и материализмомъ.

Часто приходится слышать, что богословы сдѣлали бы лучше, если бы вмѣсто того, чтобы сокрушать неправящіяся имъ ученія, позаботились бы лучше и подробнѣе раскрыть свое положительное міросозерцаніе. Безъ сомнѣнія, они обязаны это дѣлать, но для того, чтобы ихъ положительное міросозерцаніе получило въ чыхъ либо глазахъ характеръ вѣроятнаго, нужно, чтобы оно утверждалось на какихъ либо основаніяхъ. Эти основанія и должна дать апологетика. Задача апологетики заключается вѣдь не въ томъ только, чтобы сокрушать чужія вѣрованія, но и обосновывать свои собственныя. Если ее съ одной стороны можно сравнить съ стѣнобитною машиной, употребляемой для нападеній, то съ другой стороны, ее можно сравнить и со стѣной, защищающей отъ таковыхъ. Я сравнилъ апологетику съ медициной и какъ въ составѣ медицины входитъ не только терапія, но и гигіена, такъ подобная же части входятъ и въ составъ апологетики, и какъ въ медицинѣ недостаточно одной гигіи, но нужна и терапія, такъ и въ апологе-

тикъ не только нужно обосновывать свой вѣрованія, но и опровергать чужія. Припомнимъ, что если бы Неемія только строилъ Ѵерусалимскій храмъ, но не отражалъ бы отъ него самаранскихъ нападеній, то храмъ никогда не былъ бы выстроенъ.

Для вѣрующаго, мнѣ кажется, необходимо признать апологетику нужной частью богословія. Но есть иная точка зреінія, съ которой на первый взглядъ вопросъ о пользѣ апологетическихъ трудовъ можетъ получить отрицательное решеніе. Безъ сомнѣнія, одною изъ обязанностей каждого должно быть служеніе общественному благополучію, но различія въ вѣрованіяхъ не мѣшаютъ этому благополучію; на противъ, споры о вѣрѣ, попытки производить давленіе на чужую совѣсть съюзъ раздоры и пораждаютъ вражду. Для соціально - политического благополучія человѣчества нужно только, чтобы люди согласились въ признаніи известныхъ правовыхъ и нравственныхъ нормъ, оставивъ въ сторонѣ споры о томъ, во имя чего они признаютъ обязательность этихъ нормъ: пусть для одного этого основою будетъ непосредственный голосъ совѣсти, для другаго буква катехизиса, для третьего его философскія убѣжденія. Важны дѣла человѣка, а не его вѣрованія. Атеистъ, помогающій голоднымъ, лучше вѣрующаго, украшающаго свои житницы крѣпкими запорами. Не безразсудно ли думать, что человѣку будутъ вмѣнены въ вину или въ оправдание его теоретическая убѣжденія, а не его практическая дѣятельность. Представьте себѣ, что вы смотрите на копошащееся внизу человѣчество съ какого либо высокаго пункта. Пусть это будетъ колокольня, башня, воздушный шаръ — что вамъ угодно. На широкомъ горизонтѣ, который развернется предъ вами, маленькия червякообразныя существа, суетливо двигающіяся въ различныхъ направленияхъ, явятся предъ вами тѣнеподобными точками. Можно ли на самомъ дѣлѣ серьезно думать, что эти существа ничтожны по сравненію съ ничтожнѣйшою частью ничтожной планеты могутъ разгадать тайны вселенной и обладать вѣчной истиной? Претензіи на знаніе истины не есть ли уже дерзость со стороны каждого изъ нихъ? И затѣмъ: можно ли допустить, что этими ничтожными тварями Высшій Разумъ можетъ поставить въ вину ихъ заблужденія? Конечно, нѣтъ; ихъ не будутъ судить

за непониманіе истины, потому что истина для нихъ не-постижима. Вотъ почему, вмѣсто того, чтобы заниматься отыскиваніемъ высшей истины, лучше содѣйствовать воплощенію на землѣ добра. Вмѣсто того, чтобы спорить о доктринахъ произвольного зарожденія, лучше помогать непрозвольно явившимся на свѣтъ бѣднякамъ. И споры о томъ, произошелъ ли человѣкъ отъ Адама или африканской гориллы, должны уступить мѣсто заботамъ о томъ, чтобы человѣкъ становился лучше и лучше. Бѣдность и невѣжество, вотъ—истинные бичи человѣчества. Обѣ уничтоженіи ихъ и должно заботиться: пока они не уничтожены, никакая философія и религія не сдѣлаютъ людей счастливыми. Христіанство само по себѣ взятое, какъ отвлеченное учение, бесполезно, практически оно часто являлось и является вреднымъ. Исторія знаетъ въ прошедшемъ много печальныхъ примѣровъ, когда язычниковъ крестили мечомъ и огнемъ, какъ, наприм., Карль Великій саксовъ. Такіе миссіонеры, разумѣется, только кощунственno могутъ быть называемы равноапостольными. Современная этнографія тоже приводитъ случаи печального вліянія христіанства на язычниковъ. Гельвальдъ указываетъ, что моногамія введенная христіанскими миссіонерами въ Австраліи—вопреки учению христіанской религії—значительно ухудшила тамъ положеніе женщины. У дикарей вообще жены исполняютъ всѣ домашнія работы; когда же много, работа лежащая па каждой въ отдѣльности не велика, но когда жена лишь одна, участъ ея писпускается до участія выючнаго скота. Такъ разсуждаетъ Гельвальдъ. Жаколіо сообщаетъ, что отмѣненная во имя христіанства торговля рабами въ Африкѣ сопровождается тоже печальными послѣдствіями. Африканскимъ государямъ некуда сбывать ихъ рабовъ, которыхъ раньше они сбывали американскимъ плантаторамъ, и печьмъ кормить ихъ. Вслѣдствіе этого ежегодно они устраиваютъ страшнія гекатомбы, въ которыхъ избиваютъ тысячи и сильныхъ и здоровыхъ людей, услуги которыхъ имъ не нужны, а голодные желудки которыхъ они считаютъ для себя опасными. Эти или подобные этимъ факты и приводятъ многихъ къ выводу, что не праздные споры о непонятныхъ догматахъ, о вопросахъ, для решенія которыхъ не имѣется достаточнаго числа данныхъ, а забота обѣ улуч-

шениемъ экономического, умственного, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственного положенія человѣчества должно быть нашою насущною задачею.

Я полагаю, что сихъ подобаетъ творити, но и оныхъ не оставляти. Я думаю, что разумный человѣкъ можетъ жить, лишь вѣря въ разумность жизни, въ то, что каждое явленіе въ жизни имѣть значеніе и смыслъ, и что для завтрашняго дня совсѣмъ не безразлично, какъ я провелъ день вчерашній. Каждый часъ, проведенный такъ или иначе, имѣеть значеніе для вѣчности, отсюда обязанность каждого заботиться о томъ, чтобы наилучшимъ образомъ проводить дни своей жизни. Эта забота сводится къ тому, чтобы воспитать въ своей душѣ наилучшую настроенность, чтобы сдѣлать волю свою доброю. Настроенность духа опредѣляется воздействиемъ на духъ разнообразныхъ факторовъ и въ ряду этихъ факторовъ далеко не послѣднее мѣсто занимаютъ и теоретическая убѣжденія и вѣрованія. Отсюда задача человѣка — воспитывать и вырабатывать въ своей душѣ наилучшія убѣжденія и вѣрованія и содѣйствовать распространенію такихъ между другими. Изъ двухъ учений: одного говорящаго, что человѣкъ созданъ по образу Божию и для высшаго назначенія, и что въ осуществленіи этого назначенія онъ найдетъ свое блаженство, и другаго, говорящаго, что человѣкъ произошелъ отъ низшихъ животныхъ и что для него все кончается смертію, не трудно выбрать, какое будетъ имѣть нравственно благотворное влияніе на человѣчество. Выбравъ таковое для себя, мы предлагаемъ его и другимъ и оспариваемъ противоположное. Соображеніе, что многіе, исповѣдующіе это оспариваемое нами ученіе очень хороши люди и что слѣдовательно ученіе не имѣть вреднаго нравственнаго влиянія, представляется неосновательнымъ. Предки этихъ хорошихъ людей были хороши, потому что исповѣдывали христіанское ученіе, путемъ наслѣдственности они передали добрыя наклонности своимъ дѣтямъ, не передавъ имъ своихъ вѣрованій. Новые убѣжденыя, которыя усвоили послѣдніе, не могли сразу измѣнить нравственного содержанія ихъ духа, но несомнѣнно, что они будутъ дѣлать это постепенно. Вотъ почему мы и считаемъ своею обязанностью бороться противъ нихъ, при этомъ свое вѣроученіе мы представляемъ и предлагаемъ не только

какъ лучшее, но и какъ истинное. Если бы оно было только лучшей фикцией, то оно было бы также бесполезно, какъ если бы его не было совсѣмъ. Говорять, что человѣкъ слишкомъ ничтоженъ для того, чтобы знать истину. Какими масштабомъ разсуждающіе такъ измѣряютъ человѣка? Величиною геометрическихъ размѣровъ его тѣла, но тогда Наполеона I должно будетъ признать ничтожнѣе нѣкоторыхъ идотовъ, такъ какъ онъ былъ малъ ростомъ, а нѣкоторые изъ послѣднихъ достигали трехъ аршинъ высоты. Значеніе человѣка опредѣляется присущими ему силами духа и никакъ нельзя отрицать, что сила разума въ духѣ человѣческомъ недостаточна для того, чтобы воспринять истину, разъ таковая будетъ предложена ему отвѣтъ. Мы и думаемъ, что то ученіе, которое мы принимаемъ за истину, предложено человѣку свыше. Свое назначеніе человѣкъ можетъ осуществлять наилучшимъ образомъ, лишь зная высшую истину въ возможной для него степени. Человѣкъ, пребывающій въ заблужденіи относительно своего происхожденія и назначенія, не можетъ въ желательной мѣрѣ осуществлять послѣднее. Вотъ, почему на обязанности тѣхъ, которые знаютъ решеніе вопросовъ предложенныхъ гейневскими безумцемъ: „откуда происходитъ человѣкъ, куда онъ идетъ и кто тамъ вверху надъ звѣздами живетъ“, на обязанности таковыхъ лежитъ не хранить свои знанія подъ спудомъ, а возвѣщать ихъ миру, утверждать истину и обличать ложь. Эти соображенія и размышленія служили для меня побужденіемъ работать надъ своимъ трудомъ и его окончить. Какіе результаты дастъ онъ?

Habent sua fata libelli. Я не обманываюсь относительно скромнаго значенія моей книги, которую удостоиваетъ своимъ вниманіемъ теперь ученое собраніе. Даже и образцовые апологетическія произведенія въ Россіи остаются почти безъ читателей, а я хорошо знаю, что мое произведеніе не принадлежитъ къ числу таковыхъ. Кромѣ многихъ техническихъ недостатковъ въ немъ по мѣстамъ—въ моихъ глазахъ—не достаетъ полноты, кое где допущенные мною гипотезы теперь мнѣ самому представляются сомнительными, мнѣ приходилось слышать, что не все въ моей книгѣ отличается ясностью и, наконецъ, я это знаю, въ глазахъ многихъ она лишена убѣдительности. Общая печальная судьба

русскихъ апологетическихъ сочиненій, хотя и смущаетъ меня, но не лишаетъ бодрости. Пусть у книги будетъ лишь нѣсколько читателей, которые извлекутъ изъ нея то, что въ ней есть доброго, и пусть это доброе они пустятъ въ обращеніе путемъ устнымъ или письменнымъ. Тогда дѣло мое не погибнетъ, но дастъ плодъ и какъ бы ни былъ въ глазахъ другихъ этотъ плодъ малъ, для меня онъ явится достаточною наградою за понесенные труды. Меня тяготить гораздо болѣе, что мой трудъ является въ свѣтъ въ столь несовершенномъ видѣ. Чтобы его можно было признать вполнѣ удовлетворительнымъ, онъ требуетъ многихъ и серьезныхъ исправлений. Я не думаю уклоняться отъ того, чтобы произвести ихъ, и посему прошу ученое собраніе видѣть въ этомъ трудѣ не послѣднее мое слово по изслѣдуемому въ немъ вопросу, но только первое, которое по условіямъ своего положенія я долженъ былъ высказать поспѣшище и скорѣе, чѣмъ желалъ самъ. Я думаю еще переработать мою книгу. Но будущее въ рукахъ Божіихъ. Кто знаетъ: я можетъ быть сказалъ уже все, что мнѣ дано было сказать свыше? Немного времени тому назадъ, здѣсь на этой каѳедрѣ стоялъ человѣкъ еще болѣе юный, чѣмъ я, мечтавшій много послужить богословской наукѣ и уже сопѣдшій въ могилу. Намъ не дано прозрѣвать будущее. Но будетъ хорошо, если и въ этомъ несовершенномъ трудѣ кто-нибудь найдетъ для себя хотя что-либо полезное. Какъ бы мало ни способствовала моя книга умноженію духовнаго тепла и свѣта, но лишь бы она способствовала и я былъ бы счастливъ.

Такъ въ августѣ, когда въ нашихъ широтахъ почти уже становятся довольно темными, мы можемъ видѣть, какъ по небу постоянно скользятъ падающія звѣзды, оставляя за собою слабый и кратковременный свѣтящійся слѣдъ. Для земли онъ живутъ лишь незначительную долю мгновенія и однако онъ даютъ ей и тепло и свѣтъ, каждая въ отдѣльности даетъ его очень немного, но астрономія и геологія учатъ насъ, что всѣ онъ въ своей совокупности и въ теченіе вѣковъ даютъ много энергіи нашей бѣдной планетѣ. Такъ и отдѣльный человѣкъ, силы котораго слабы подобно моимъ, успѣхъ сдѣлать немногое, можетъ утѣшать себя мыслю, что его немногое сольется съ тѣмъ немногимъ, которое сдѣ-

лаеть другой, а затѣмъ и еще другіе и такъ изъ немногаго выйдетъ многое. Эта мысль должна наполнять отрадою душу и малосильного работника, эта мысль даетъ отраду и мнѣ. Мой трудъ имѣлъ честную цѣль и хотя немногое, мнѣ кажется, я успѣлъ сдѣлать. Свою книгою я буду хотя немного полезенъ, хотя такъ мало, какъ падучая звѣзда.

C. Глаголевъ.
